

**А.Х. Мусукаева,
О.М. Мякина**

Жанрово-стилевые особенности автобиографической повести А. Кешокова «Вид с Белой горы»

В статье проводится анализ жанровых и стиливых особенностей автобиографической повести кабардинского писателя А. Кешокова «Вид с Белой горы» в контексте его творчества. Жанровая характеристика произведения, вызывающая разные оценки у исследователей, находит в статье чёткое и обоснованное определение. Стиливые особенности повести свидетельствуют о художественном мастерстве писателя, о близости его творчества к кабардинскому фольклору.

Ключевые слова: автобиографическая проза; поэзия; архетип дома; личность автора; герой.

Алим Кешоков — выдающийся кабардинский поэт, прозаик, публицист, основоположник кабардинского исторического романа. Его перу принадлежат такие шедевры, как «Вершины не спят» (1965), «Сломанная подкова» (1973), «Корни» (1990) и др. Достижение А. Кешокова-романиста — в показе крупных исторических событий, определивших перемены в судьбе кабардинского народа, когда через историю аула, жизнь отдельной личности обозначаются историософские проблемы и философские вопросы человеческого существования.

При достаточной изученности творчества А. Кешокова (Л. Бекизова [3], Ю. Тхагазитов, К. Султанов [8], К. Шаззо и др.) повесть «Вид с Белой горы» осталась за пределами внимания исследователей, чем и обусловлено наше обращение к ней.

«Вид с Белой горы» (1974) — своеобразный художественно-документальный «комментарий» ко всему творчеству А. Кешокова, в повести писатель акцентирует отправные моменты в жизни своего народа и формировании автобиографического героя.

В эпицентре повести — метафора восхождения на гору. Она объединяет эмоциональные ряды в поэзии и прозе А. Кешокова и стягивает в единый концептуальный узел тему исторического преодоления трудностей, выпавших на долю народа, изменения сознания людей.

Повествование об исторически и общественно значимых событиях, о своей жизни и своём внутреннем мире, в центре которого находится «Я» повествователя, объединяет разный по форме и способу репрезентации материал произведения — философские размышления и анализ, ретроспекцию событий,

автобиографию. Идея повести «Вид с Белой горы» основана на исторических событиях и отражающих их документах, воспоминаниях, портретных характеристиках современников, биографических сведениях и др. При этом важно то, что произведение отличается художественным единством и цельностью. Установка автора на достоверность предстаёт в повести своеобразным жанровым камертоном. По утверждению Л. Гинзбург, «иногда лишь самая тонкая грань отделяет автобиографию от автобиографической повести или романа. Имена реальных лиц заменены — эта условность сразу же переключает произведение в другой ряд, обеспечивая пишущему право на вымысел» [4: с. 118].

Первые строки повести поэтичны и эмоциональны: «Жизнь — непрерывное восхождение по нехоженой тропе, которая вьётся по горным склонам». И далее эта мысль находит образное подтверждение: начало пути — это «широкая равнина», которую сменяет «подъём», и происходит «первая встреча с крутизной». На пути героя встречаются «заоблачные пастбища», «камнепады», «край пропасти», «молчание голых скал», «толщина льда», «вершины гор»: «Ты начал восхождение, когда твои усы были черными, а теперь идешь с белой бородой»; «Моя молодость осталась за дальней горой, словно жеребенок, отбившийся от табуна. От его жалобного ржания я иногда просыпаюсь...» [1: с. 8]. «Вид с Белой горы» — это открывающийся с высоты жизненного пути взгляд философа, поэта на прожитые годы, историю своего народа, на родных и близких людей.

Следует подчеркнуть, что метафора восхождения на гору характерна для многих поэтов и прозаиков Северного Кавказа. У К. Кулиева мы читаем:

Стихи писать — что горы штурмовать.
Скользить и падать, и идти опять...
Полуживым достигнуть высоты.
И вот ты наверху! как счастлив ты!..

Принципиальное значение в повести «Вид с Белой горы» приобретает художественный приём «расслоения» времени: изображение периодов детства и юности, поры формирования личности, определения своего места в жизни и обществе, анализ исторических этапов развития общества и личности как бы «на расстоянии», с высот Белой горы. Можно провести определённую параллель с автобиографической трилогией Л.Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность», в частности, с её художественно-временной организацией: «тогда» и «теперь», в целом характерной для автобиографических повествований.

Кешоковский герой осознаёт себя личностью уже в раннем детстве, он ощущает своё единство с окружающим миром — с людьми, с землёй, с природой в целом, частью которой он предстаёт. Особую роль в повести играют мотивы дома, семьи, матери, что, в свою очередь, демонстрирует связь с традициями, с психологией народа.

В повести «Вид с Белой горы» встречаются переключки, даже текстуальные совпадения с другими произведениями автора. «Когда в дом пришли “белые” и потребовали сказать, где скрывается хозяин дома — большевик, мать не растерялась. Она ответила: “Если кабардинские князья так низко пали, что,

пренебрегая достоинством мужчины, ищут врага не на поле боя, а в детских пелёнках, то ищите в этих корзинах...» И вытащила из-под кровати две старые корзины с тряпками». Данный отрывок дословно вошёл в текст романа «Вершины не спят». Межтекстовая связь автобиографической повести с другими произведениями А. Кешокова проявляется многообразно: в текстуальных совпадениях, в обращении к событиям определённого времени (война), в общности мотивов (малой родины, дома, семьи).

Остановимся кратко на хронологии создания и выхода в свет романов А. Кешокова. В 1958 году публикуется первая часть будущей трилогии «Вершины не спят» — роман «Чудесное мгновение». Трилогией роман стал позже, когда вышла книга «Зелёный полумесяц» и когда, по словам Р. Бикмухаметова, Северный Кавказ и Дагестан «получили первый опыт историко-революционной эпопеи». Между романами «Чудесное мгновение» и «Зелёный полумесяц» по логике характера одного из главных героев — Жираслана — «вклинивается» «Сабля для Эмира» (1981), и, таким образом, все три романа образуют единую историческую трилогию о революции и гражданской войне на Северном Кавказе.

Вторая трилогия посвящена событиям Великой Отечественной войны и самому началу мирной жизни, она представлена романами «Долина Белых ягнят» (1971), «Сломанная подкова» (1973), «Грушевый цвет» (1976).

Романы А. Кешокова в своём основном корпусе складывались десятилетиями и в итоге предстали шеститомной эпопеей о поворотных этапах истории кабардинского народа на протяжении первой половины XX века. Следует подчеркнуть, что прозу А. Кешокова отличают неспешный темп повествования, спокойная рассудительность, психологизм, добрый и мягкий юмор, нежная любовь к традиционным обычаям кабардинцев. Его произведения лишены «предопределённости» человеческой судьбы, назидательности — как «дóлжно» поступать в тех или иных случаях. Разнообразие художественных средств и приёмов подчинено главной цели: социально-философскому осмыслению исторической действительности, утверждению гуманистических идей, изображению национального характера.

Особняком в творчестве писателя стоит роман «Восход луны» (1977), посвящённый судьбе современного поколения горских переселенцев в сложных условиях национально-освободительного движения на Ближнем Востоке. Завершает творчество писателя роман «Корни» (1990), вошедший в ряд адыгских произведений о Кавказской войне, типологически сходных между собой как на уровне содержания, так и на уровне поэтики.

В разных по замыслу, жизненному материалу и жанру произведениях писателя прослеживается сплав лирического и драматического, художественного и публицистического, трагического и иронического.

Стилевой синтетизм, присущий прозе А. Кешокова, проявляется в структуре повести «Вид с Белой горы», что затрудняет определение её жанра. Некоторые исследователи рассматривают её как мемуарную повесть, как исповедь. На наш взгляд, «Вид с Белой горы» — это автобиографическая повесть, в которой история

народа раскрывается сквозь призму отдельной человеческой жизни, причём жизни художника слова, поэта. В то же время это философская, историческая, публицистическая и мемуарная книга. Это не только повествование об исторических и культурных событиях века, но и человеческий документ «о времени и о себе», это новая особая ступень познания писателем национальной действительности в её историческом движении. Кешоковский герой — человек, рано осознавший своё назначение и причастность к происходящим событиям, свою индивидуальность.

В.В. Компанеец, анализируя тетралогия Б. Зайцева «Путешествие Глеба», отмечает: «Чувство саморазвития свойственно лишь натурам глубоким, активно включавшимся в бесконечный процесс познания действительности, способным к непрекращающейся работе самопознания и самосовершенствования. Такой герой — не только психологически значимый характер, но прежде всего личность, неповторимая индивидуальность, последовательно и настойчиво движущаяся к положительному идеалу, к высокой, духовно осознанной цели» [5: с. 456]. Это определение соответствует типу кешоковского героя, познающего и осваивающего мир.

В повести «Вид с Белой горы» автобиографическое начало получает оригинальное художественное воплощение. Автор выступает в ней не как сторонний наблюдатель, а как личность, вспоминающая минувшее и воссоздающая его в особом ритме и особой последовательности. Своеобразные обращения к читателю рождают иллюзию достоверности, призывают «войти» в «восстановленное» время, «погрузиться» в события, проникнуть во внутренний мир героев и понять их поступки. Следуя толстовскому утверждению (Л.Н. Толстой, 1898 год, 19 марта): «Одно из величайших заблуждений при суждении о человеке в том, что мы называем, определяем человека умным, глупым, добрым, злым, сильным, слабым, а человек есть всё: все возможности, есть текучее вещество...» [9: с. 185], — А. Кешоков не упрощает своих героев, изображая их во всей сложности и неповторимости.

Автору важны документальная точность и достоверность изображаемых событий, исторические факты излагаются им в хронологической последовательности: установление Советской власти в марте 1920 года, строительство в республике Баксанской ГЭС, пуск первой оросительной системы в Терском районе, открытие в Нальчике Ленинского учебного городка — кузницы национальной интеллигенции. В повести действуют реальные исторические лица: Бетал Калмыков, Назир Катханов, первые кабардинские писатели, учёные — М. Афаунов, Т. Боураев, С. Кожаяев, П. Шекихачев, Т. Шеритлоков и др.: «В недрах поэтического творчества народа возник зародыш прозы. Зачинателями прозы были Аскерби Шортанов и Хачим Теунов, наиболее активно работавшие в жанре очерка и рассказа. Пробовал осваивать жанр прозы и основоположник кабардинской поэзии Али Шогенцуков» [1: с. 94]. Имя Али Шогенцукова на страницах повествования возникает далеко не случайно. Как известно, он занимал особое место среди молодых кабардинских поэтов и писателей и первым обратил внимание на талант Кешокова: «Прислали в школу нового заведующего — Али Асхадовича

Шогенцукова... Новый учитель открыл нам волшебный мир поэзии. Мы узнали Пушкина, Лермонтова» [2: с. 51]. А о первых стихах автобиографического героя повести отозвался так: «Дорог первый плод, по нему судят о дереве» [2: с. 51].

В повести «Вид с Белой горы» немало философских рассуждений, свидетельствующих о глубине чувств и мыслей писателя, о его понимании проблем времени, общества, человека: «Когда думаешь о жизни, то кажется, что ты стоишь посередине горного потока, словно опора под мостом. Слева и справа проносятся грохочущие волны, а ты, захлестываемый шипящей пеной, стоишь и держишь на плечах концы двух пролётов — прошлое и будущее» [1: с. 26].

В повести акцентирован мотив дома, подчёркнуты его национальные особенности, устоявшийся быт, защищённость героя в этом доме. С ним тесно связан и мотив путешествия, мотив поиска. Жизнь и судьба героя — это сугубо индивидуальный, лично значимый путь открытий и познаний. В то же время это и судьба общественного деятеля, писателя, выдающегося сына своего народа. Герой находится в гуще новой жизни, принимает участие в самых значительных событиях республики, стремится к новой жизни, определяя в ней своё место и назначение.

Символ дома играет в повести значительную роль. Как известно, изучению архетипа дома посвящены труды крупнейших зарубежных и отечественных учёных (С.С. Аверинцев, Э. Кассирер, С. Лангер, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, Е.М. Мелетинский, А.А. Потебня, В.Н. Топоров и др.). Дом осмысливается в научной литературе как архетипический образ, он является центром человеческой жизни, «своим» пространством, выделенным из общего бытия и соотносимым с интересами, характером, внутренним миром человека. Понятие «свой дом» означает не только принадлежность тому или иному лицу, дом, как правило, создается индивидуально человеком для себя, но и, главное, изолированность от внешнего мира, защищённость. В то же время дом — это семья, род, родители, процесс воспитания, национальная специфика и многое другое.

В повести А. Кешокова символ дома связан с детством, с родителями: «Закрою глаза и ясно вижу перед собой кривобокий турлучный домик — из плетня, обмазанного глиной, с соломенной крышей. Вокруг, у основания стен, булыжные камни, чтобы ливневый поток не подмывал. В доме три комнаты: спальня, кухня и третья, с громким названием “гостевая”. Пол земляной. Окна так низко посажены, что, сидя на полу, видишь, что делается во дворе» [1: с. 27]. В произведении чётко прослеживается параллель: дом — быт — семья — время. Повествование ведётся о времени начала XX века, семья — крестьянская, нередко — бедствующая, домик — «кривобокий, турлучный», в котором громко звучит лишь название «гостевая». Дом — показатель жизни его обитателей, хранящий или теряющий свой статус. Проблема дома остаётся актуальной в литературе на протяжении всего XX века, что не раз отмечалось в научных работах (см., например, [6; 7]).

В тесной связи с домом и семьёй в повести А. Кешокова показаны представители старших поколений: «У кавказских народов традиция: старик, ушедший на покой, отдавший сыновьям “поводок арбы”, стремится своими силами сделать что-то полезное для аула — построить мост через речку, проложить дорогу в горы,

прорубить тропу к роднику или посадить деревья на пустыре, чтобы оставить добрую память о себе» [1: с. 20]. И далее автор рассказывает о своём отце, построившем «домик путника» на трассе Пятигорск – Нальчик и угощавшем там усталых путников выращенными им самим арбузами и дынями.

Но главное, репрезентация символа дома в повести характеризуется многоуровневостью, а мотив дома позволяет исследовать «Вид с Белой горы» в ряду других произведений А. Кешокова. Горцы всегда бережно относились к таким понятиям, как земля, дом, очаг, хлеб. Самой серьёзной и верной клятвой у горцев и сегодня остаётся клятва землёй и хлебом. В структуре духовного пространства северокавказской прозы данная традиция играет немалую роль, участвуя в процессе формирования национального характера. В творчестве А. Кешокова ведущим авторским мотивом является мотив малой родины, которую символизируют Кабарда, аул Шалушка, отцовский дом, семья, друзья.

В автобиографической повести «Вид с Белой горы» гармония национальной жизни, устойчивость её эпического состояния не противоречат универсальному, общечеловеческому, общенациональному и современному. Автор далёк от идеализации и самолюбования, именно в национальном он видит проявление общечеловеческого. Национальное открыто, подвижно, не ограничивается прошлым, самобытно реализуясь в современности. К. Султанов прав, утверждая, что «литература не воспроизводит и не транслирует национальную идею, а каждый раз как бы заново порождает как новость, как акт открытия и прозрения» [8: с. 140].

В повести особое внимание уделяется внутреннему миру автобиографического героя, вначале — босоногого мальчугана, затем — юноши, ищущего свой путь в жизни, наконец — зрелого мужчины, прошедшего через серьёзные, нередко трагические жизненные испытания. Всё это даёт писателю возможность поиска новых граней художественного исследования человека, что приводит к повышению смысловой и образной ёмкости прозаического повествования.

«Вид с Белой горы» А. Кешокова — сложное, многоплановое повествование, характеризующееся жанровым и стилевым своеобразием и оказавшее воздействие на дальнейшее развитие национальной прозы.

Библиографический список

Источники

1. *Кешоков А.П.* Вид с Белой горы. М.: Современник, 1974. 365 с.
2. *Кешоков А.П.* Знак мастера // *Лауреаты России.* М.: Современник, 1976. С. 126–175.

Литература

3. *Бекизова Л.А.* Литература в потоке времени. Черкесск: Карачаево-Черкесское республ. книжн. изд-во, 2008. 416 с.
4. *Бикмухаметов Р.* Роман и литературный процесс // *Вопр. литературы.* 1971. № 9. С. 4–16.
5. *Компанеев В.В.* Изображение автобиографического героя в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» // *Антропоцентрическая парадигма в филологии.* Ч. I. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. С. 455–460.

6. *Матвеева И.И.* Феномен дома и его художественное воплощение в творчестве А.П. Платонова // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 3 (15). С. 27–35.

7. *Смирнова А.И.* Локус дома в современной русской прозе // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 8–14.

8. *Султанов К.К.* Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М.: Наследие, 2001. 194 с.

9. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 53. М.: Худож. литература, 1953. 561 с.

References

Istochniki

1. *Keshokov A.P.* Vid s Beloj gory'. М.: Sovremennik, 1974. 365 s.

2. *Keshokov A.P.* Znak mastera // Laureaty' Rossii. М.: Sovremennik, 1976. S. 126–175.

Literatura

3. *Bekizova L.A.* Literatura v potoke vremeni. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe respubl. knizhn. izd-vo, 2008. 416 s.

4. *Bikmukhametov R.* Roman i literaturny'j process // Vopr. literatury'. 1971. № 9. S. 4–16.

5. *Kompaneec V.V.* Izobrazhenie avtobiograficheskogo geroya v tetralogii B.K. Zajceva «Puteshestvie Gleba» // Antropocentricheskaya paradigma v filologii. Ch. I. Stavropol': Izd-vo SGU, 2003. S. 455–460.

6. *Matveeva I.I.* Fenomen doma i ego xudozhestvennoe voploshhenie v tvorchestve A.P. Platonova // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 3 (15). S. 27–35.

7. *Smirnova A.I.* Lokus doma v sovremennoj russkoj proze // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 8–14.

8. *Sultanov K.K.* Nacional'noe samosoznanie i cennostny'e orientacii literatury'. М.: Nasledie, 2001. 194 s.

9. *Tolstoj L.N.* Poln. sobr. soch.: v 90 t. Т. 53. М.: Xudozh. literatura, 1953. 561 с.

A.Kh. Musukaeva,

O.M. Myakinina

Genre and Stylistic Features of the Autobiographical Novel by A. Keshokov «A View from the White Mountain»

The article analyzes the genre and stylistic features of the autobiographical novel «A View from the White Mountain» by the famous Kabardian writer A. Keshokov in the context of his creative activity. The genre characteristics of the book, though assessed differently among researchers, find a clear and grounded definition in the article. Stylistic features of the novel testify to the writer's high artistic skill and the proximity of his work to Kabardian folklore.

Keywords: autobiographical prose; poetry; archetype of home; identity of the author; main character.